Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Бодался теленок с колючей проволокой | Les coups de corne du petit veau contre sa longe

Author: Жорж Нива (пер. Ирины Мироненко), Женева , 11.12.2018.

Alexandre Soljenitsyne, les années 1980 / Александр Солженицын, 1980-е годы. (© Archives de la famille Soljenitsyne)

11 декабря 2018 года Александру Солженицыну исполнилось бы сто лет. Своими размышлениями о его наследии с читателями Нашей Газеты делится его прижизненный биограф, почетный профессор Женевского университета Жорж Нива.

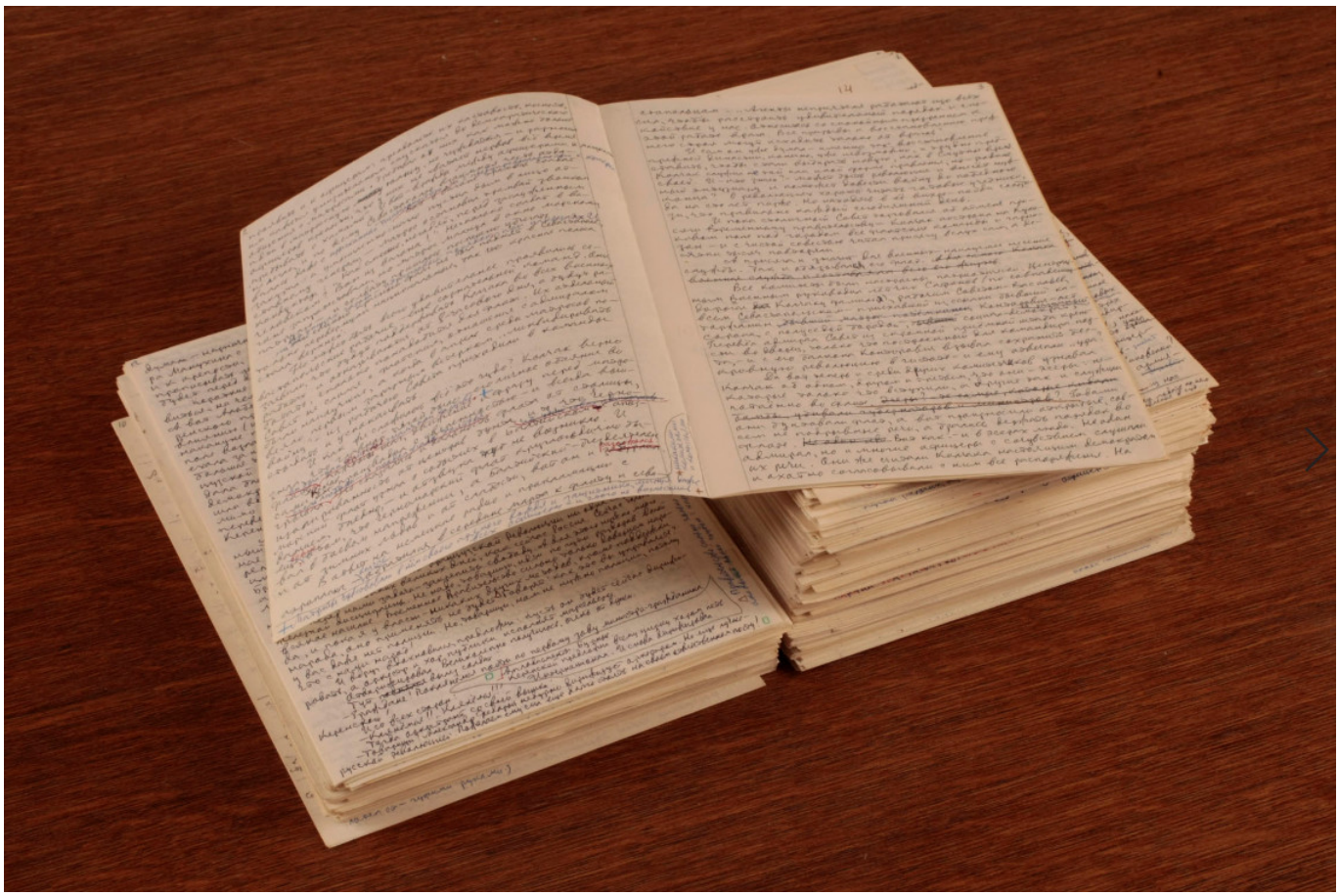
|

Le 11 décembre 2018, Alexandre Soljenitsyne aurait eu 100 ans. Georges Nivat, l'auteur de sa biographie écrite de son vivant, le professeur honoraire de l'Université de Genève partagent ses reflexions sur son héritage.

Les coups de corne du petit veau contre sa longe

Автор «Одного дня Ивана Денисовича», « Ракового корпуса» и романа « В круге первом» стал лауреатом Нобелевской премии по литературе в 1970-м . В декабре 1973-го года в Париже, в скромном эмигрантском издательстве ИМКА-Пресс, основанном Николаем Бердяевым, вышел «Архипелаг Гулаг». 7 января 1974 года Политбюро ЦК КПСС приняло меры для «пресечения антисоветской деятельности» Солженицына. 12 февраля Солженицын был арестован, обвинён в измене Родине и лишён советского гражданства. 13 февраля он был выслан из СССР во Франкфурт-на-Майне, где его ждал Генрих Белль. На следующий день был издан приказ «Об изъятии из библиотек и книготорговой сети произведений Солженицына А. И.». В 1990 году Солженицын был восстановлен в советском гражданстве, но вернулся в Россию лишь через четыре года, в мае 1994-го, и вместе с семьей устроился под Москвой, в Троице-Лыкове.

В начале своего изгнания Александр Исаевич провел около двух лет в Швейцарии. В 1974-1975 годах, в Цюрихе, Солженицын собирал материалы о жизни Ленина в эмиграции (для «Красного Колеса») и завершил мемуары «Бодался телёнок с дубом». В Женеве он побывал лишь однажды и записал: «Женева - чем-то умягчает сердце изгнанника, вероятно не так тяжело переживать здесь и годы.»



Рукопись «Архипелага Гулаг» (© Archives de la famille Soljenitsyne)

В Женевском университете уже тогда преподавал профессор Жорж Нива, переводчик «Ракового корпуса», «Августа четырнадцатого» и статьи из сборника «Из-под глыб», автор первого сборника о Солженицыне-писателе (Cahier de l’Herne, 1970). Молодой славист открыл для себя Солженицына в 1963 году, прочитав «Один день в жизни Ивана Денисовича» во время службы во французской армии в Алжире, и больше с ним не расставался. Лично они познакомились в Париже в издательстве

Seuil, на встрече писателя со своими французскими переводчиками. В 1981 году Нива побывал у Солженицыных в Кавендише, штат Вермонт, где они жили с 1976 года до возвращения в Россию. Именно там завершил писатель свой огромный исторический роман «Красное колесо» – в общей сумме 6600 страниц. Встречу с Жоржем Нива он упомянул во втором томе своего автобиографического текста «Угодило зернышко промеж двух жерновов».

В 2014 года на русском языке вышла книга Жоржа Нива «Александр Солженицын, писатель и борец», а совсем недавно в парижском издательстве Faillard появилась новая французская ее версия. Когда этот номер готовился к печати, профессор, при содействии Натальи Дмитриевны Солженицыной, готовил к столетию писателя большую выставку в Институте Франции, располагающемся в бывшем дворце кардинала Мазарини, здесь заседают все пять французских Академий. Эта экспозиция – расширенная версия той, что проходила в 2011 году в женевском Фонде Мартина Бодмера. Каталог к ней, под редакцией Жоржа Нива, подготовлен издательством Syrtes, в Женеве.

Сообщение ТАСС

Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик, лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А. И.

Семья Солженицына сможет выехать к нему, как только сочтет необходимым.

«Архипелаг Гулаг» – одна из главных книг XX столетия, книга писателя-борца,

которого справедливее сравнивать с Вольтером или Золя, чем с Прустом или Элиотом. Книга, написанная на русском языке в подполье, спрятанная у друзей друзей по сложной схеме, которую в своей памяти хранил только сам автор. Книга, рукопись которой четверть века покоилась в эстонской земле, потому что именно в эстонском тайнике, вопреки всем своим правилам опытного подпольщика, автор оставил ее своему другу Арнольду Сузи, забрав с собой только машинописную копию. Сузи тайно закопал ее – для будущих поколений, хотя тогда никто не мог предвидеть, когда они смогут ее прочитать, если вообще смогут. СССР развалился, и «Архипелаг» немало тому способствовал. Сузи откопал рукопись, вернул автору, и теперь она находится в архиве Александра Солженицына, в Троице-Лыково под Москвой. В 2011 году она была выставлена в Женеве, сейчас – в Париже.

Солженицын явно один из тех русских авторов, в ком нет ничего от космополита. Он уехал из России только под давлением советских властей, которые его задержали, а потом под конвоем двух сотрудников КГБ посадили на самолет до Франкфурта. На протяжении всей своей жизни он был неутомимым читателем «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля. Сам составил «Русский словарь языкового расширения». Все так. Но он был и остается европейским автором! Таким же европейским автором, как Толстой и Достоевский и еще более Тургенев. Утверждать, что Солженицын не является национальным или фольклорным автором и что он не ограничен жесткими рамками русского языка, не означает, что мы хотим лишить Россию Нобелевской премии (которая, напомним, была вручена ему с запозданием, притом что Борис Пастернак так и не получил свою).

ГОР
3
ГОР3

В одежде ссыльного. Зима 1956-1957 гг (© Archives de la famille Soljenitsyne)

Его послание направлено всему миру, его собеседник – вся Европа, а писал он по-русски. Один из его героев, Сологдин из романа «В круге первом», даже запрещает себе произносить любое слово с неславянским корнем, в том числе такие неологизмы, как «телефон» или «телескоп», а также заимствования из древнегреческого. Естественно, автор отчасти подсмеивается над этой манией, которая напоминает об определенном этапе русской литературы – начале XIX века, когда спорили адмирал Шишков и члены его «Беседы любителей русского слова» с одной стороны и «Арзамас» с дядей и племянником Пушкиными с другой. Адмирал имел привычку яростно вычищать из письменной речи все, что казалось ему нерусским: кальки, заимствования из других языков, как, например, прилагательное «моральный» или существительное «гармония». Сологдин поступает так же, да и сам Солженицын под конец жизни в своей «Литературной коллекции» перенял привычку адмирала, о том же свидетельствуют примечания, которые он делал на полях всего, что читал или перечитывал. Конечно, Солженицын не так нелеп, как адмирал, однако порой не менее яростен. И эта языковая полемика, очевидно, скрывает за собой другую: автономна Россия или же зависит от Запада, будь то Запад греко-латинский или романо-германский? Этот вопрос проходит красной нитью через всю российскую историю…

И все же Александр Солженицын остается автором и борцом всемирного масштаба. В некотором смысле его можно сравнить с Мартином Лютером Кингом или с Махатмой Ганди (который был убежденным толстовцем, тогда как Солженицын всегда спорил с Толстым, хотя и восхищался им).

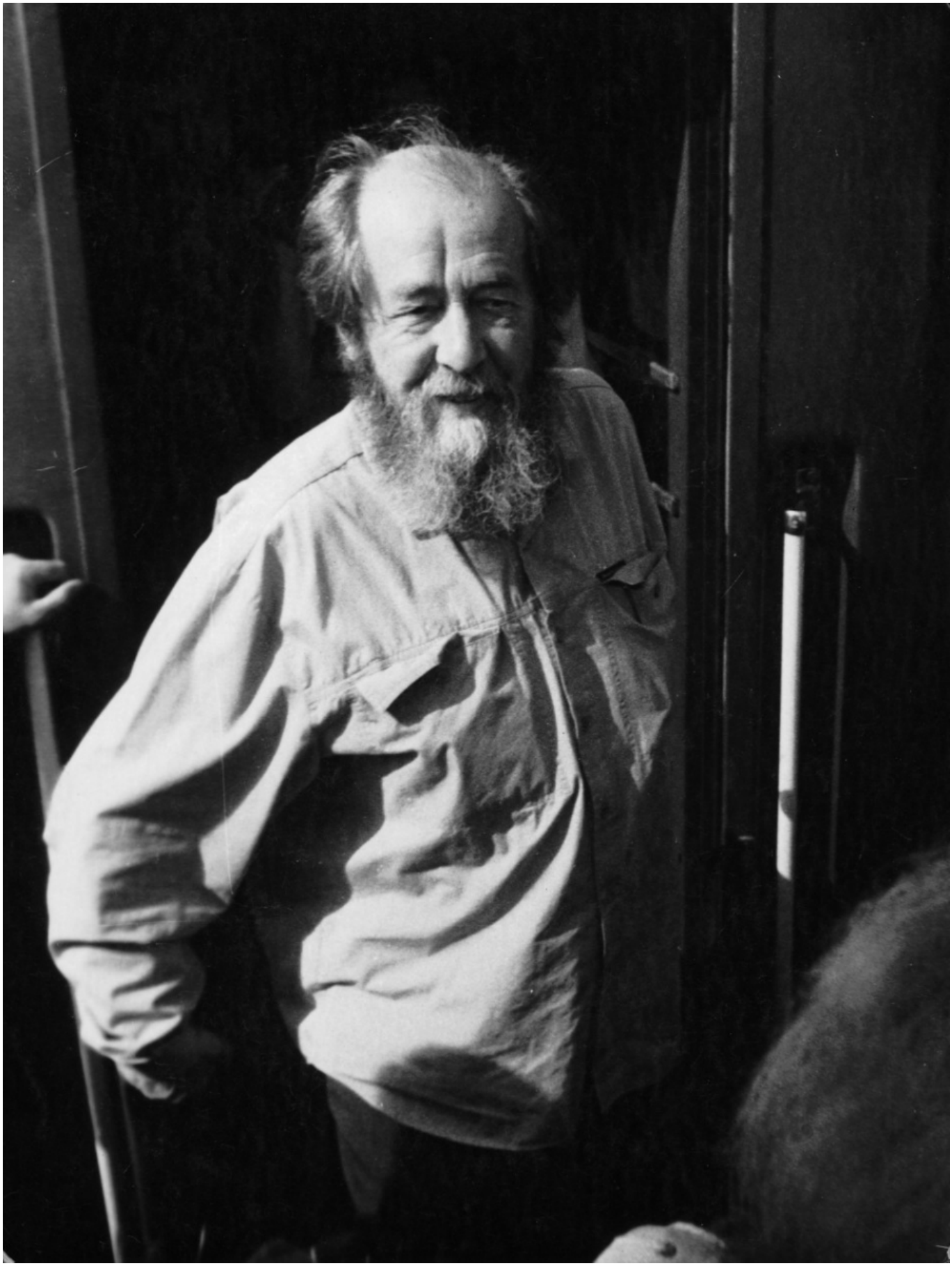
Солженицын, родившийся в 1918 году, – гражданин Европы, совершившей самое жестокое покушение на саму себя, то, что немецкий историк Эрнст Нольте назвал в 1987 году «европейской гражданской войной». Эта война продлится с августа 1914 по май 1945 года и даже – в смягченной форме – до падения Берлинской стены. В ней принимали участие все, и все в 1914 году верили, что защищают свою нацию и свои христианские ценности. Авангардисты на время умерили свой пыл и скопом ринулись на войну с воодушевлением крестоносцев, в том числе разные Маяковские и Малевичи.
Солженицын вырос без отца, вообще без какого-либо наследства. Мать скрывала их социальное происхождение и свою веру в Бога, а он был ярым марксистом.

Четки А. И. Солженицына и карандаш, которым он пользовался в лагере (© Archives de la famille Soljenitsyne)

Европа тем временем кренилась к обожанию силы, к Одной партии. И, не пытаясь отождествить один тоталитаризм с другим (внимание: тут можно подпасть под действие российских законов о памяти и не только их!), мы должны признать, что Александр Солженицын родился на разломе двух европейских тектонических платформ: Европы Просветителей, компромиссов, Красного Креста, созданного одним женевцем после бойни при Сольферино, Европы Гаагского трибунала (одним из инициаторов его учреждения стал царь-«реакционер» Александр III…) и другой Европы, Европы Освенцима и Колымы, Европы, отмеченной евгеникой, массовыми убийствами, полным равнодушием к страданиям другого, если тот, согласно нацистской доктрине, «испорчен» в силу расового происхождения или, согласно доктрине сталинской, относится к числу классовых врагов («Если враг не сдается – его уничтожают!»).

Две тектонические платформы, раздавливая друг друга, почти уничтожили Европу. Она смогла возродиться, однако сегодня ей угрожают те же демоны, та же националистская зашоренность, как в период между двумя этапами опустошившей ее гражданской войны. А потому так важно выучить урок мужества, который преподали нам великие борцы XX века, такие как Дитрих Бонхёффер, Эли Визель, Бруно Щульц, Пауль Целан…

Что превратило ребенка и подростка Солженицына в европейца, так это его любовь к наукам, особенно к математике (он написал поэму о французском математике Эваристе Галуа, погибшем на дуэли в 20 лет, но оставившем после себя новый раздел в алгебре, который носит его имя и до сих пор питает математическую мысль).



В поезде, на пути домой. Владивосток, 1994 г. (© Archives de la famille Soljenitsyne)

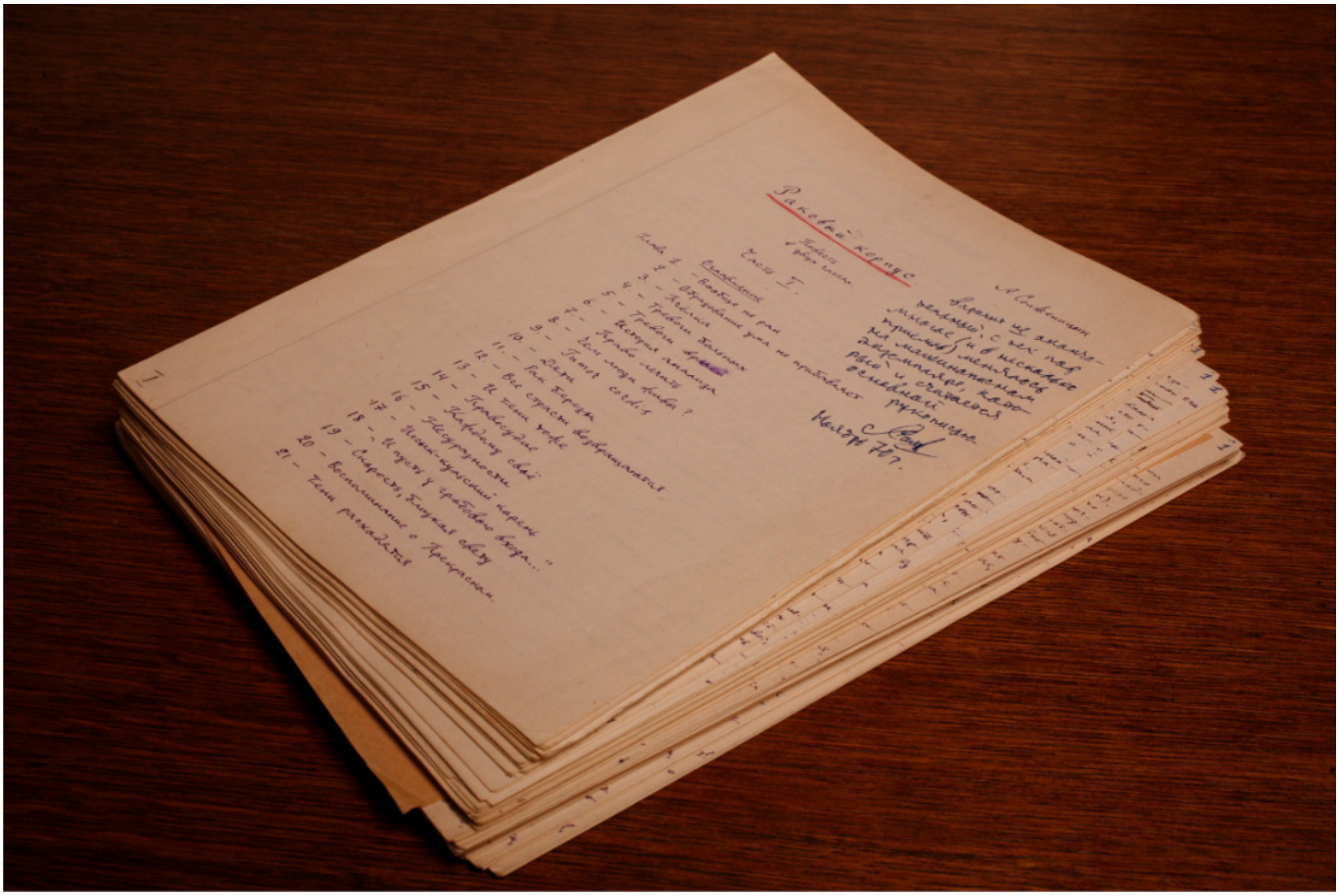
Молодой Солженицын «любит Революцию»: так будет называться одно из его первых

произведений – в повелительном наклонении: «Люби революцию!», однако он будет испытывать сомнения, лежащие в основе любой точной науки.

Первый опыт сомнения он получит, когда будет поколеблена его вера молодого марксиста, когда внутренний голос будет нашептывать ему: нет, эти преданные своему делу инженеры не могут быть саботажниками, подкупленными врагом! Это сомнение отчетливо проявится в его поэме из 10 тысяч строк «Дороженька», написанной в Гулаге, а вернее, составленной и запечатленной в памяти благодаря четкам, помогавшим заучить ее, а еще ярче – в романе из двух частей «Раковый корпус». Во второй части старший, Шулубин, пытается открыть глаза младшему, Костоглотову. Оба находятся в раковом корпусе, однако один вышел из Гулага и считает себя жертвой, а другой оставался на свободе и объясняет, что значит заключение вне Гулага. Люди там боятся больше, чем в Гулаге! «Он говорил, что люди не склонны жить чистым опытом, им легче загрязнить его предрассудками. Вот эти предрассудки и есть идолы».

Откуда этот урок сомнения? От английского канцлера Фрэнсиса Бэкона и его фундаментальной книги «Новый органон». Заметим по ходу дела, что лорд-канцлер был заключен в лондонский Тауэр. Этот урок сомнения, преподанный молодому и возмущенному Костоглотову старым библиотекарем, который «совал в печку» книги, запрещенные сталинским режимом, повторится: молодой человек получит его от разных старших товарищей, которые прониклись к нему и хотели раскрыть ему глаза. Однако потребовались арест, шарашка (тюрьма для ученых), каторга и каторжные «университеты», чтобы он прозрел. Как прозрел молодой Горький благодаря нужде.

После урока сомнения придет черед тюремным и каторжным товарищам воспитывать Солженицына. А потом будет мятежное братство в лагере Экибастуза, где заключенные на протяжении нескольких дней давали отпор своим тюремщикам, в нерешительности ожидавшим приказа сверху.



Рукопись "Ракового корпуса" (© Archives de la famille Soljenitsyne)

Тюрьма даст жизненный урок, урок политический, нравственный, антропологический, а мятеж в Экибастузе научит распознавать справедливый мятеж, подобно тому, как Фома Аквинский обосновывал право на свержение тирана. Позже Солженицын откроет для себя «Русскую Вандею» – крестьянское восстание на Тамбовщине против большевистской тирании.

Сегодня зачастую можно услышать два прямо противоположных суждения о Солженицыне, что, впрочем, доказывает, насколько актуальным он остается, будоража или утешая, оправдывая или порицая наших современников и нас самих. С одной стороны, легионы злобных хулителей, которые видят в нем продажного предателя, агента КГБ, и повторяют одни и те же гнусные наговоры. С другой, апологеты Солженицына-«вандейца», реакционера, автора филиппик против Запада и его нравственного, политического и цивилизационного упадка.

Не будем удивляться этим противоречиям: Солженицын сам породил их, пройдя путь от Экибастузского мятежа до филиппик Гарвардской речи, в которой обличал Запад, переживающий упадок мужества и поддавшийся марксизму, словно телец, идущий под жертвенный нож. Не побоимся сказать, что он ошибался, что вопреки всему Запад выжил, а Советский Союз исчез с лица земли без участия какой-либо враждебной силы.

Александ Исаевич и Наталья Дмиитриевна Солженицыны (© Archives de la famille Soljenitsyne)

В чем секрет этого поражения и этого выживания? В способности и неспособности вести дискуссию. Тот, кто не умеет вести дискуссию с другим и с самим собой, в конечном счете ослепнет. Солженицын, родившийся в мире обескураживающей лжи, сумел преодолеть ее и, главное, описать этапы лжи, борьбы с ней, долгого и мучительного излечения от нее.

Именно такой урок письма и борьбы преподает нам автор «Архипелага», который в сопровождении неприметного Ивана Денисовича спускается по всем кругам Ада, как Данте в сопровождении Вергилия, и всякий раз спрашивает у малограмотного русского мужичка: Иван Денисович, мы уже дошли до конца? «Ох, нет», – отвечает этот маленький Вергилий, который позабыл Евангелие, но крестится перед едой. Солженицын, создавший самого себя и своего маленького сотоварища, сопровождающего его к самому последнему кругу, –это, конечно, нечто большее, чем духовный наставник, идеолог, политолог или же поборник правильного русского языка, его «расширитель»; большее, чем новый адмирал Шишков, – это писатель-борец, который не перестал бодаться с колючей проволокой, за которую все хотят загнать нашу свободную мысль…

Ответ Солженицына: «Жить не по лжи!». Это нелегко, но попробуем! И пусть Иван Денисович как можно дольше сопровождает нас на этом пути!
Жорж Нива
Статьи по теме

«Солженицын, мужество писать»
Жорж Нива о Солженицыне: «Остался голос писателя и пророка»
Жорж Нива: о Солженицыне, о времени и о себе

Source URL:
https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/bodalsya-telenok-s-kolyuchey-provolokoy